

**СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ИВАНОВ:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЖИЗНИ
И НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА ВЫДАЮЩЕГОСЯ
ЭТНОГРАФА И ИСКУССТВОВЕДА**

Опубликовано: Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. II. СПб.: Издательство СПбГУ, 2003.

Сибиреведение по праву можно назвать российской национальной наукой. Отечественные учёные внесли основополагающий вклад в изучение Сибирской историко-этнографической области. Одни из них занимались исследованием хозяйства, быта, культуры, социальной организации преимущественно одного народа: ездили к различным его группам, изучали не просто язык, а знали его диалекты, собрали и привезли в музеи ценные этнографические коллекции, создали глубокие, основанные на оригинальном полевом, прежде всего ими самими собранном материале, труды по этнографии, фольклору и языку этого народа. К таким учёным, например, относятся выдающиеся специалисты по эвенкам Г.М. Василевич, по селькупам Е.Д. Прокофьева, по корякам В.В. Антропова, по нганасанам А.А. Попов, по чукчам И.С. Вдовин и ещё многие. Другие занимались своей, избранной ими темой на широком сибирском материале всю свою жизнь в науке. Ярким представителем второй группы учёных является С.В. Иванов, который посвятил себя изучению изобразительного творчества, в первую очередь орнамента народов Сибири. Имя этого выдающегося учёного прочно и вполне заслуженно заняло одно из первых мест в плеяде имён самых известных сибиреведов, а его научное наследие составило весомый вклад в российское и мировое сибиреведение.

Сергей Васильевич Иванов родился 29 мая (10 июня) 1895 г. в Петербурге¹. В своей автобиографии, написанной 28 июля 1925 г., он с подчёркнутой откровенностью писал: «Я родился в Петербурге, в семье небогатых мещан. Отца не знал, так как был внебрачным сыном». Как представляется по многочисленным рассказам его разным лицам, своё генеалогическое древо он воссоздавал в дальнейшем довольно самостоятельно и произвольно. Его дед по матери воспитывался в детском приюте имени какой-то императрицы, где ему дали самую простую фамилию Ива́нов. Таким образом, он носил фамилию матери. Отец и после рождения сына не оформил брак с фактической женой, а когда позднее, по прошествии какого-то времени он решил это сделать, она с гордостью отказала ему, и тогда он покончил жизнь самоубийством. При крещении он получил отчество своего дяди и крёстного отца (родственника по линии отца) – им был регент Казанского собора Василий Фатеев... Итак, в результате оказывается, что у него и фамилия и отчество были чужими, своё – только имя. Мать его зарабатывала шитьём – она была белошвейкой, без особого труда содержала себя и своего единственного сына. Однако временами Сергей Васильевич проговаривался и признавал своё родство со знаменитыми фамилиями Ипполитовых-Ивановых и Ивановых-Радкевичей, среди которых были известные композиторы, дирижёры и художники. Как мне кажется, довольно рано, но уже в советское время он понял целесообразность иметь простенькую биографию одинокого безродного ребёнка, который в царской России уж наверняка подвергался социальной дискриминации. Однако фактическое положение семьи не было тяжёлым и безысходным. Мать создала условия для получения сыном начального образо-

¹ При написании данного очерка о С.В. Иванове мною прежде всего использованы материалы его личного дела и фонда № 33, хранящиеся в архиве МАЭ. Приводимые в тексте статьи цитаты даются по оригиналам, находящимся в личном деле и фонде № 33 архива МАЭ.

вания на дому, после чего отдала его в гимназию, и он в дальнейшем обучался в частной гимназии Штернберга. Как в дальнейшем он писал в автобиографии, с четвёртого класса он оставил занятия в гимназии сначала по болезни, а затем, «несколько лет не учился вовсе за неимением средств». Вместе с тем по собственному признанию, с восемнадцатилетнего возраста он начал заниматься изучением искусства, поступив в художественные классы живописного рисования художника Я. Гольдблатта. После начала мировой войны материальное положение семьи ухудшилось и С.В. Иванов в 1914 г. вынужден был искать место; сначала устроился служащим в строительный отдел одного предприятия, потом поступил работать на фабрику изготовления ценных государственных бумаг. Зарабатывал прилично, мог содержать мать, купил хорошую мебель – он любил красивые вещи, продолжал своё образование на вечерних курсах для взрослых, где прошёл курс гимназии. Хорошо продвигались занятия и живописью. Петроградский мещанин С.В. Иванов являлся к исполнению воинской повинности при призыве 1916 г. и был зачислен в ратники ополчения 2-го разряда, а затем получил освобождение от службы как кормилец семьи. Таким образом, солдатской службой он не был обременён, однако после революции угроза быть призванным возросла. Как рассказывал Сергей Васильевич, однажды ночью пришёл военный патруль и потребовал предъявить документы. Он нервно стал искать справку об освобождении от службы и, в конце концов, с трудом, перепуганный и вспотевший, нашёл и предъявил её, солдат посмотрел, вернул документ, козырнул и сказал: «Всё в порядке, товарищ!» Напряжение спало: ведь за отсутствие нужного документа грозил расстрел.

Уже в военные годы начались большие трудности, которые многократно возросли с началом революции и гражданской войны. Особенно трудно было с теплом в квартирах и питанием. В годы послереволюционной разрухи Сергей Васильевич на почве голода и холода перенёс тяжелое лёгочное заболевание; будучи отправлен в бессрочный неоплачиваемый отпуск, в конце концов, потерял работу. Знакомый врач добродушно и откровенно посоветовал: «Вам, батенька, отсюда надо тикать, иначе, батенька, Вы здесь подохнете». Действительно, время было трудное, надежды на улучшение условий жизни никакой, надо было сделать какой-то выбор. В конце 1919 г. С.В. Иванов самостоятельно принимает смелое решение: он покидает Петроград и направляется в село Кичма Уржумского уезда Вятской губернии, где получил место учителя рисования и товарища председателя школьного совета в школе 2-й ступени. Очевидно, он жил там вполне обеспеченно: ведь он ещё хорошо подрабатывал в качестве театрального декоратора, режиссёра и актёра народного дома – местного театра, занимая эти должности с 15 декабря 1919 г. по 1 октября 1921 г. В 1921 г. уездный отдел народного образования откомандировал молодого учителя в Петроград для получения высшего образования и поступления в университет – тогда это было в порядке вещей.

С осени 1921 г. С.В. Иванов – студент литературно-художественного отделения факультета общественных наук (ФОН) Петроградского университета по музейному циклу. В 1922–1924 гг. он состоял на государственной стипендии. В эти годы, видимо, им завершено художественное образование в классах художника Я. Гольдблатта: любовь к рисованию прошла через всю долгую жизнь С.В. Иванова. Он любил рисовать не с натуры, а по воображению и замыслу. Однако в студенческие годы Сергей Иванов прежде всего с интересом посещал лекции, учился с большим воодушевлением, много читал, в полной мере использовал широкие возможности университетского образования. И хотя, начиная с первых лет 20-х гг., оно перманентно переживало различные преобразования, это никак не сказывалось на учёбе Сергея. Его художественная натура находила здесь полное удовлетворение. В те годы на факультете одной из основных фигур был проф. Борис Леонидович Богаевский (1882–1942)². Выходец из дворянской семьи, он после окончания 10-ой петербургской гимназии поступил на первый курс классического отделения историко-филологического факультета столичного университета. Блестяще окончив его в 1907 г. с дипломом 1-ой степени, он был оставлен для

² О Б.Л. Богаевском подробнее см.: *Фоминых С.Ф.* Богаевский Борис Леонидович // Профессора Томского университета. Биографический словарь. Том 2. 1917–1945. Томск, 1998. С. 52–54.

приготовления к профессорскому званию. Сразу после окончания университета будущий профессор отправился за границу, в течение двух с половиной лет он посещал музеи и лекции ведущих антиковедов Германии, Италии и Греции. В 1916 г. в Петрограде вышел в свет первый том его монографии «Земледельческая религия Афин», которую 14 мая того же года Б.Л. Богаевский в публичном собрании родного факультета защитил в качестве магистерской диссертации. В июне 1916 г. он приступает к работе в качестве приват-доцента Пермского университета, но уже летом 1919 г. оказывается в Томске, где в июне 1920 г. занял должность профессора по кафедре античного мира этнолого-лингвистического отделения ФОН местного университета. В 1922 г. ФОН был закрыт, и многие профессора-гуманитары, в том числе и Б.Л. Богаевский покинули Томск и вернулись в Петроград. Начиная с 1922/1923 учебного года Борис Леонидович становится профессором и заведующим кафедры истории материальной культуры ФОН Петроградского, в дальнейшем Ленинградского университета. Именно здесь состоялось знакомство студента Сергея Иванова и профессора Б.Л. Богаевского. Широта и глубина познаний преподавателя увлекают юношу: он посещает его лекции по истории, искусству и религии античного мира, регулярно получает у него консультации по интересующим его молодой ум вопросам и даже по приглашению профессора начинает бывать у него дома, где продолжались беседы. Б.Л. Богаевского интересовала духовная жизнь доисторического человека, и этот интерес передался и его подопечному Сергею Иванову. Как известно, ФОН образовался в результате слияния историко-филологического факультета и факультета восточных языков. На последнем в 1919 г. по приглашению декана Н.Я. Марра начал читать лекции по этнографии Л.Я. Штернберг (1861—1927)³. Нельзя исключать, что эти лекции продолжались и после образования ФОН'а. Лев Яковлевич Штернберг – знаковая фигура в отечественной этнографии. Уроженец города Житомира, он один год учился в местном раввинском училище, а затем в гимназии, которую закончил в 1881 г., и в том же году был зачислен в число студентов естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. В декабре по его желанию состоялся его переход на юридический факультет. В столице молодой Штернберг сблизился с народниками, принимал участие в их собраниях и студенческих волнениях, что вскоре было замечено полицией. В ноябре 1882 г. по распоряжению Попечителя Санкт-Петербургского округа он был удалён из университета, но ему было разрешено продолжить образование в других университетах. Так Лев Штернберг становится студентом юридического факультета Новороссийского университета в г. Одессе. В 1885 г. он принимал участие в Екатеринославле в съезде «Народной воли», но вскоре был арестован, не успев закончить университет. В ноябре 1888 г. суд приговорил его к высылке на о. Сахалин, где он пребывал до мая 1897 г. Там он, живя среди туземных народов, занимался этнографией, особо его внимание привлекли гиляки (нивхи), о которых в 1893 г. в московском журнале «Этнографическое обозрение» была опубликована статья. Осенью 1901 г. Лев Яковлевич был приглашён директором Музея антропологии и этнографии (МАЭ) Императорской Академии наук акад. В.В. Радловым⁴ на работу в Музей на должность старшего хранителя, а с 1903 г. он становится одним из секретарей Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, во главе которого также стоял В.В. Радлов. Работая в МАЭ, Л.Я. Штернберг с 1904 г. начинает преподавательско-просветительную деятельность, которая в 1918 г. приводит к организации Географического института, где он возглавил этнографическое отделение. По отзывам слушателей, Л.Я. Штернберг читал лекции довольно сухо: у него был ящик с карточками, на которые он заносил выписки. Перебирая карточки, он читал лекции, подправляя при этом челюсть. И, тем не менее, одержимого жаждой знаний молодого студента

³ О Л.Я. Штернберге подробнее см.: Памяти Л.Я. Штернберга (1861—1927) // Очерки по истории знаний. Вып. VII. Л., 1930; Ратнер-Штернберг С.А. Л.Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа 1904—1927 гг. (По личным воспоминаниям и архивным данным) // Советская этнография. 1935. № 2. С. 134—154; Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

⁴ О В.В. Радлове подробнее см.: Решетов А.М. В.В. Радлов – директор Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук. // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 137—155.

Сергея Иванова, увлекли лекции профессора Штернберга, и под его влиянием и руководством уже в 1923 г. он начал систематически и целенаправленно собирать материалы по изобразительному искусству первобытных народов, в том числе и по орнаменту. Среди своих университетских профессоров Сергей Иванов особо выделял В.Г. Богораза (1865–1936)⁵, и неслучайно впоследствии он посвятил его памяти специальную статью. Биография Владимира Германовича Богораза во многом напоминает биографию Л.Я. Штернберга. Закончив в 1880 г. гимназию в г. Таганроге, он поступает на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, но вскоре переводится на юридический факультет. За участие в сходке 14 ноября 1882 г. он также был удалён из университета. В Одессе он продолжает участвовать в движении народников, в связи с чем, как и Л.Я. Штернберг, он также был арестован, осуждён, но сослан на северо-восток Сибири, где провёл почти десять лет (1889–1898). Уже в ссылке он начал изучать язык и культуру чукчей. В 1898 г. в Санкт-Петербурге вышла его монография, посвящённая преимущественно проблемам чукотской мифологии и шаманизму. В конце XIX – начале XX в. он принимал участие в знаменитых Сибиряковской и Джезуновской экспедициях. С 1921 г. В.Г. Богораз по приглашению Л.Я. Штернберга занимает место профессора этнографического отделения Географического института, а также работает в МАЭ. Он, как и Л.Я. Штернберг, читал лекции на ФОН'е и пользовался большой популярностью у студентов. В.Г. Богораз читал лекции свободно, интересно, живо, увлечённо, не пользуясь никакими конспектами или карточками, может быть, перед занятием он набрасывал план предполагаемой лекции: на эту мысль наводит логичность построения лекции, точный подбор материала, которым он владел в совершенстве. Под влиянием В.Г. Богораза Сергей Иванов увлёкся проблемами аниматизма. Согласно этой концепции все предметы окружающего мира, в том числе неживой природы, на самом деле оживотворены. Интерес к этой тематике он потом сохранял на протяжении всей жизни. А теперь он по всем интересующим, захватывающим его вопросам готовил доклады и выступал с ними на семинарах. В 1923 г. из числа студентов Географического института и ФОН'а был организован исследовательский этнографический кружок, которым руководили профессор В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг. Как утверждалось в § 1 Устава кружка, его целью являлось «изучение, главным образом, СССР в этнографическом отношении и приобретение членами кружка практических навыков для работы в этой области». Организация этого кружка стала активным стимулом для привлечения студентов, интересующихся этнографией, к исследовательской работе⁶. Естественно, что Сергей Иванов был одним из самых деятельных участников его, поскольку диапазон его интересов в этнографии был необыкновенно широк.

С 1923 г. Сергей Иванов начинает приобретать практику музейной работы в МАЭ и Этнографическом отделе Русского музея (ЭО РМ), исполняя для них также различные живописные и графические работы. В эти же годы он с большим увлечением одновременно вёл клубную работу в Ленпролеткульте, где возглавлял драмкружок и сам участвовал в нём. Сергей был на редкость одарённой художественной натурой. И если со временем увлечение драматическим кружком, созданием декораций пройдёт, то писание живописных миниатюр, сольное или в четыре руки романтическое музицирование на фортепьяно останется с ним навсегда. Как и увлечённость наукой.

Наука, музыка и живопись – вот три страсти, которые владели им всю жизнь, но наука рано начала главенствовать в этой триаде, забирая основное время. К 15 декабря 1924 г. студент С.В. Иванов получил зачёты по 22-м предметам, в т. ч. по первобытному искусству, этнологии, археологии, по 4-м семинариям, 2-м просеминариям и по 7-ми необязательным предметам. 23 марта 1925 г. ему было выдано свидетельство об окончании университета за

⁵ О В.Г. Богоразе подробнее см.: Владимир Германович Богораз // *Советская этнография*. 1936. № 3. С. 3–6; Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). Сб. ст.. М.; Л., 1936; Иванов С.В. Памяти В.Г. Богораза // *Советская этнография*. 1946. № 3. С. 3–8.

⁶ *Ратнер-Штернберг С.А.* Л.Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа 1904–1927 гг. ... С. 143.

подписями ректора ЛГУ проф. Н. Державина, декана ФОН проф. М. Серебрякова и председателя отделения археологии и истории искусств проф. А. Преснякова.

Сразу же по окончании университета талантливый учёный был приглашён проф. Л.Я. Штернбергом на свою кафедру этнографического отделения географического факультета ЛГУ (в 1925 г. Географический институт был преобразован в географический факультет). С.В. Иванов с 1925-1926 учебного года начал вести занятия со студентами в качестве младшего ассистента по курсу первобытного искусства, который читался проф. Л.Я. Штернбергом. Эта тема была одной из основных в кругу научных интересов маститого учёного. Ведь Лев Яковлевич собирал материал по этой теме всю свою жизнь в науке и обращал внимание начинающих этнографов на необходимость тщательно собирать и фиксировать соответствующие данные. Так, в одном из писем-инструкций он писал в феврале 1912 г., рекомендуя приобретать у народов Сибири для Музея «... 2) Всевозможные фигуры из мамонтовой кости, дерева и пр[очее], выделяемые чукчами и коряками. Лучше всего, чтобы эти предметы были сделаны не на заказ, а приготовлены ранее, чем больше таких предметов будет собрано, тем лучше... 3) Всякого рода орнаментированную резьбу по кости у разных народов... При приобретении этой резьбы подробно и многократно выясните у разных лиц, как называется а) каждый вид орнамента, б) каждая фигура орнамента, например, кружочек, крестик, зигзаг, точки и т. п., и выясните значение этих терминов, то есть что значит в переводе тот или другой термин...»⁷ С.В. Иванов высоко ценил вклад Л.Я. Штернберга в разработку методики и изучения проблем первобытного искусства. После его кончины Сергей Васильевич, в специальном мемориальном сборнике, посвятил статью памяти учителя⁸. В 1927/1928 учебном году состоялся перевод С.В. Иванова в старшие ассистенты. С 1927 г. он уже вёл самостоятельный семинарий по первобытному искусству, по изучению искусства окраинных народов СССР. Предполагалось создать специальный Научно-исследовательский институт по этнографии, но не удалось для этого получить специальные штаты. И тогда Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз в целях создания более благоприятных условий для творческого роста кадров молодых этнографов организовали в 1925 г. при этнографическом отделении кружок ассистентов, в котором принимали участие недавние университетские выпускники и студенты старших курсов. В этом кружке С.В. Иванов и другие молодые ассистенты делали доклады и обменивались мнениями по основным проблемам этнографии. В 1925–1927 гг. особое внимание уделялось обсуждению проблем первобытного мышления, психологии первобытного человека, диффузии культур и др.⁹ С.В. Иванов принимал живейшее участие в этих дискуссиях – ведь это была его тематика. Успешная преподавательская и исследовательская деятельность Сергея Васильевича была отмечена руководством факультета, что выразилось в избрании его на должность доцента. В 1930/1931 учебном году он прочитал спецкурс по истории искусства народов Севера в Ленинградском Государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена. После ликвидации этнографического отделения в Ленинградском историко-филолософско-лингвистическом институте (ЛИФЛИ) работал до 1934 г. по совместительству в Институте народов Севера (ИНС).

Однако основным местом работы все эти годы оставался МАЭ. 2 октября 1925 г. С.В. Иванов обратился в Совет МАЭ со следующим заявлением: «Прошу Совет предоставить мне место рисовальщика при Музее. Художественные работы для Музея с 1923 г.» Совет удовлетворил прошение недавнего выпускника университета, поскольку хорошо знал его прежде. Ещё будучи студентом, С.В. Иванов посещал Музей, получал указания заведующего отделом Сибири проф. Л.Я. Штернберга, касающиеся изучения искусства первобытных народов, и одновременно выполнял разнообразные поручения музейного характера. В связи с

⁷ Цит. по: *Ратнер-Штернберг С.А.* Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук (По личным воспоминаниям, литературным и архивным документам) // Сборник МАЭ. Т. VII. Л., 1928. С. 40.

⁸ *Иванов С.В.* Л.Я. Штернберг и примитивное искусство // Памяти Л.Я. Штернберга. Сб. ст. Л., 1930. С. 159–172.

⁹ *Ратнер-Штернберг С.А.* Л.Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа 1904–1927 гг. ... С. 147.

введением института практикантов в учреждениях АН СССР Совет МАЭ 13 ноября 1925 г. избрал С.В. Иванова на должность практиканта, а Постановлением Президиума АН от 19 ноября он был зачислен на эту должность с 1 ноября. Отбору практикантов придавалось большое значение, в связи с чем Общее Собрание АН СССР приняло специальные правила о приёме практикантов в академические учреждения и проведения ими практики. В практиканты при научных учреждениях АН СССР допускались лица, прошедшие полный курс высшего учебного заведения по данной конкретной специальности, с выполнением соответствующих практических занятий; для этих лиц обязательным устанавливалось знание хотя бы двух главных европейских языков (способность чтения книг по специальности). Намеченный учреждением кандидат обязательно подвергался ещё коллоквиуму в данном учреждении в порядке, каковой последним специально устанавливался. Если после коллоквиума кандидат будет признан удовлетворяющим назначению, то он представляется через Президиум АН на утверждение конференции соответствующего отделения. В МАЭ такой отбор прошли С.В. Иванов, Н.П. Дыренкова, Л.Б. Панек и И.Д. Старынкевич. Только Л.Б. Панек специализировалась по народам Кавказа. Н.П. Дыренкова и И.Д. Старынкевич должны были заняться этнографией тюркоязычных народов, в том числе и сибирских. Как практикант С.В. Иванов был причислен к отделу эволюции и типологии культуры, но одновременно вёл работы в отделе Сибири и Севера Европы. В архивах МАЭ и РАН в Петербурге сохранились многочисленные материалы о работе практиканта С.В. Иванова. В 1925-1927 гг. под руководством Л.Я. Штернберга он ознакомился с главнейшей литературой по этнографии народов Сибири и с экспонатами отдела Сибири МАЭ, практически изучал постановку и технику музейного дела в МАЭ и ЭО РМ (порядок поступления коллекций, регистрация их, дезинфекция, магазирование, составление карточного каталога, методы экспозиции и пр.) Одновременно Сергей Васильевич вёл большую работу по изучению памятников народного изобразительного искусства народов мира, находящихся в различных музеях страны, а также ознакомился с соответствующей литературой по этому вопросу, по разработке социологических и теоретико-методологических проблем в области изучения народного изобразительного искусства. В этот период им был подготовлен и прочитан ряд докладов в престижных научных заседаниях, что говорит о серьёзной работе молодого учёного. Так, в семинарии по социологии искусства, который в ЛГУ вёл проф. Ф.И. Шмит, темой его доклада была «Методологическая проблема в социологии изобразительных искусств». В кружке проф. Б.Л. Богаевского при Ленинградском обществе социологии и теории искусств он выступил с докладом «К вопросу о границах живописи и скульптуры», а в кружке проф. И.А. Боричевского и Н.Н. Пунина – «Орудия художественного познания (принципы организации художественных произведений)». В Радловском кружке при МАЭ, которым руководил акад. В.В. Бартольд, им были прочитаны ещё два доклада: «Изображение дерева в орнаменте народов СССР (тунгусский круг)» и «Эволюция изображения мирового дерева и птиц в орнаментике финно-славянских народов». Совершенно очевидно, что С.В. Иванова глубоко волновали прежде всего проблемы социологии и теории первобытного искусства. После кончины проф. Л.Я. Штернберга в августе 1927 г. ответственным руководителем практиканта С.В. Иванова был утверждён проф. В.Г. Богораз, а в помощь ему – проф. Б.Л. Богаевский и С.М. Дудин. В мае-сентябре 1927 г. С.В. Иванов принял участие в совместной с КИПС'ом экспедиции по обследованию народностей, живущих в бассейне р. Амур, прежде всего ульчей. Им была привезена в МАЭ и зарегистрирована значительная коллекция по быту, культу и искусству ульчей (свыше 300 предметов), составлен к ним карточный каталог, зарегистрирована коллекция экспедиционных негативов. На собранном им в поле и в музеях материале плодотворно разрабатывались темы по генетике сибирской орнаментики, его волновали проблемы традиционного мировоззрения примитивных народов. В отзыве о работе С.В. Иванова проф. В.Г. Богораз писал так: «Работа практиканта МАЭ АН Иванова С.В. велась главным образом по линии изучения первобытного искусства. В этой области им, помимо ознакомления с соответствующей литературой вопроса, была проделана большая исследовательская работа над материалами искусства народов СССР. Так, в области славяно-финской орнаментики было

выяснено реалистическое происхождение целого ряда мотивов, считавшихся до этого геометрическими; работа эта подготовлена им для печати. Наряду с этим была сделана удачная попытка свести в одно целое огромные материалы финно-славянского, переднеазиатского и кавказского орнамента и указать их общий первоисточник на Ближнем Востоке. Кроме того, он работал над выяснением алеутского орнамента, а также собрал интересный материал по изображению человеческой фигуры в первобытном искусстве». В сентябре 1928 г. доклад С.В. Иванова «Алеутская охотничья шляпа и её орнаментация» был представлен 23-му Международному конгрессу американистов в США и вызвал там живой интерес. В нём исследователь проводит мысль о том, что орнаментация таких шляп восходит к охотничьим маскам, имевшим магико-производственное значение. Применение новых теорий в научных исследованиях также интересовало молодого учёного. Так, в связи с докладом о деревянной скульптуре, прочитанным С.В. Ивановым в Комиссии по социологии и искусствоведению при ГАИМК'е, проф. Б.Л. Богаевский писал: «Неразработанность, сложность и новизна материала не позволила Иванову полностью построить свою работу на марксистской методологии, но Иванов хочет применять марксизм и делает в этом направлении успехи. Не следует забывать, что марксистская этнологическая литература ведь пока ещё отсутствует».

В 1929 г. С.В. Иванов в отделе эволюции и типологии МАЭ под руководством проф. Е.Г. Кагарова работал над новыми выставками. В связи с приближающимся окончанием срока пребывания С.В. Иванова в МАЭ в качестве практиканта Е.Г. Кагаров в своём отзыве 12 июня 1929 г. писал: «Практикант МАЭ С.В. Иванов известен мне как один из наиболее даровитых и образованных молодых этнографов, работающих в области первобытного искусства, где у нас так мало подготовленных специалистов. Хорошо знакомый с этнографией Сибири, в которой он сам работал в научной экспедиции, Иванов не замыкается в этой узкой области: его в одинаковой степени интересуют и проблемы методологии изучения искусства, и история первобытного искусства Африки, Америки и Океании. В своих работах по анализу сибирских народностей он успешно применяет сравнительно-этнографический метод, давший ему возможность сделать ряд важных выводов по вопросу о значении и происхождении различных орнаментальных мотивов. Принимая близкое участие в организуемых мною при МАЭ периодических выставках на различные культурно-исторические темы, особенно по детским игрушкам в последней выставке «Жизнь ребёнка в свете этнографии», Иванов обнаруживал всегда и солидные знания, и музейно-экспозиционный опыт, и понимание актуальных проблем культурно-просветительного дела».

МАЭ был явно заинтересован в приглашении С.В. Иванова для штатной работы. 19 октября 1929 г. директор МАЭ акад. Е.Ф. Карский направил в Президиум АН СССР письмо, в котором, в частности, писал: «Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР позволяет себе рекомендовать вниманию Президиума АН С.В. Иванова, бывшего в течение 3 ½ лет практикантом при МАЭ как чрезвычайно даровитого, трудоспособного и знающего научного работника, специалиста в той области, которая в СССР почти совершенно не имеет представителей, а именно в области первобытного искусства... В Музее им выставлен весь подотдел искусства народов Сибири и проделана большая работа по составлению описей, каталогизации и выставлению и проч... Им же разработан в значительной степени план организации выставки «Социально-экономические корни первобытного искусства»... МАЭ выражает уверенность, что в лице т. Иванова наша наука приобретает исключительно полезного и преданного делу работника, если только он будет поставлен в благоприятные внешние условия». Такая постановка вопроса в устах одного из его учителей отнюдь не является случайной, а тем более конъюнктурной. Ведь это было время, когда отечественные учёные, независимо от возраста, стремились к овладению марксизмом как самой передовой теорией. Естественно, что в этой среде был и Сергей Васильевич, но, как представляется, ему не удалось стать образованным марксистом, тем более не грешил он цитатничеством. Уже на зака-

те жизни учёного его аспирант В.М. Кулемзин¹⁰, как он признаёт, по своей наивности спросил Сергея Васильевича, как он относится к марксизму, на что учитель, мимоходом скользнув глазами по железному засову в дверях, ответил, что он не марксист, а марксоид...

В декабре 1929 г. Президиум АН СССР утвердил С.В. Иванова в должности научного сотрудника II разряда по эволюционному отделу МАЭ, а в июле 1931 г. – научного сотрудника I разряда и заведующего отделом оформления МАЭ. Таким образом, к началу 1930-х годов С.В. Иванов занял прочное положение среди научных работников МАЭ, усиленно занимаясь научно-исследовательской и музейной работой.

После создания в феврале 1933 г. на базе МАЭ и ИПИН'а Института антропологии и этнографии АН СССР, учитывая специализацию С.В. Иванова в области изучения этнографии и искусства народов Сибири, дирекция перевела его, по просьбе заведующего отделом Сибири, одного из ведущих и любимых его университетских преподавателей проф. В.Г. Богораза, на работу в этот отдел с исполнением обязанностей помощника заведующего отделом. До этого он состоял заведующим отделом оформления и научным сотрудником I разряда МАЭ. 15 апреля 1934 г. С.В. Иванов, приказом дирекции был назначен редактором одноименника «Этнография народов СССР».

Придя в МАЭ, С.В. Иванов продолжал поддерживать тесные творческие связи со своими университетскими учителями – Л.Я. Штернбергом и В.Г. Богоразом, которые теперь работали рядом с ним. Под их опекой он чувствовал себя увереннее. По-прежнему сохранял он близкие отношения с проф. Б.Л. Богаевским, встречаясь с ним по преимуществу в неофициальной обстановке, обсуждая новости науки. Так, одной из дискуссионных проблем 20-х – начала 30-х гг. была интерпретация значения изображения так называемого «колдуна», найденного в Арьеже, в гористом департаменте Южной Франции. Пещера, в которой было обнаружено изображение, получило наименование «Пещеры трёх братьев» – в честь трёх сыновей её первооткрывателя проф. Бегуэна, участвовавших в открытии этого памятника. Считалось, что эта пещера являлась местопребыванием охотничьих групп эпохи позднего палеолита, а потому имеет значение одного из важнейших источников для понимания самых различных сторон жизни первобытного общества охотников. Наибольшие споры вызывала фигура «колдуна». Л.Я. Штернберг видел в ней изображение «шамана». К такому выводу его толкало внешнее сходство головного убора «колдуна» с известными старинными изображениями тунгусского шамана. Эту проблему комплексно пытался решить и Б.Л. Богаевский, посвятив ей ряд докладов и публикаций. По его мнению, в комплексе «Пещер трёх братьев» периодически совершались магические обряды объединёнными охотничьими коллективами, совместно владевшими на правах общей собственности кормовой областью крупных размеров, а изображение «колдуна» преследовало цель обеспечить воспроизводство промыслового зверя, поскольку оно носило сильно подчёркнутый фаллический характер. Для подтверждения своего вывода автор использовал также примеры из этнографии. Со статьёй Б.Л. Богаевского¹¹ по тематике и методике исследования явную перекличку имеет и публикация С.В. Иванова, помещённая в этом же номере журнала¹². Хотя он, судя по названию статьи, собирался представить только сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита, однако он широко использует примеры из археологии и этнографии разных районов мира. Признавая, что изображения, непосредственно связанные с производственной магией, уже давно привлекают к себе внимание исследователей примитивного искусства во всём мире, он предлагает новые пути его изучения: «В подавляющем большинстве случаев описывались *готовые* памятники искусства как нечто уже данное и законченное. Что же ка-

¹⁰ Кулемзин Владислав Михайлович (род. 5 мая 1938 г.) – аспирант С.В. Иванова, один из его лучших воспитанников. Доктор исторических наук, профессор исторического факультета Томского государственного университета.

¹¹ Богаевский Б.Л. 1) К выяснению значения нового изображения в пещере «Трёх братьев» на юге Франции // *Советская этнография*. 1933. № 1. С. 169–172; 2) К вопросу о значении изображения так называемого «Колдуна» в «Пещере трёх братьев» в Арьеже во Франции // *Там же*. 1934. № 4. С. 34–72.

¹² Иванов С.В. Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита // *Там же*. С. 91–101.

сается *процессов* художественного мышления и поведения, предшествующих или сопутствующих созданию памятника и обусловленных отношением автора произведения к коллективу, членом которого он состоит и идеологию которого выражает, то в этом отношении знания наши настолько скудны и ничтожны, что заставляют ограничиваться самыми общими фразами или даже предположениями. Особенно плохо дело обстоит с анализом действий и операций, совершаемых над изобразительными памятниками после их изготовления. Отношение к ним всего коллектива или отдельных его членов не изучены как следует ни у одного народа. А между тем именно эти действия, это отношение и даёт возможность раскрыть и понять социальную природу изобразительного искусства в условиях первобытного общества»¹³. Ответы на эти непростые вопросы С.В. Иванов пытался найти прежде всего в данных этнографии. И успешно находил довольно убедительные параллели и сравнения. Магическое убийство изображений промысловых зверей практиковалось, например, у удэгейцев. Из куска бересты шаман вырезал небольшую фигурку изюбря, вселял в неё «душу» того самого оленя, которого с помощью шамана охотник встретит потом в тайге, в затем стрелял в него из небольшого лука, «убивая» таким образом изюбря. По мнению исследователя, все эти действия проникнуты рядом анимистических представлений, а потому могут быть поняты только с учётом и анализом их. Если первоначально в магических актах убийства животных принимал участие весь коллектив первобытных охотников, то много позднее магические операции сосредоточились в руках особых представителей культа (в Сибири – шаманов) и отдельных охотников. Охотничья магия включала целый ряд последовательных обрядов: магического убийства животных, воскрешения их, привлечение зверей к охотнику, примирения охотника с убитым животным, магические акты, способствующие размножению их и т.д. Эта статья явно имела своей целью дать этнографические параллели к археологическим сюжетам, рассмотренным в статье Б.Л. Богаевского. Таким образом, и почти десять лет спустя после окончания университета продолжалось научное сотрудничество бывшего студента и профессора, а ныне – коллег, ищущих ответы на сложнейшие вопросы изучения первобытного мышления, производственной деятельности и ранних верований. И оба они старались показать, что только рассматривая эти проблемы комплексно, в единстве, можно приблизиться к пониманию их подлинной сущности.

15 июня 1935 г. по представлению квалифицированной комиссии по общественным наукам Президиум АН СССР присудил С.В. Иванову в знак признания крупных научных достижений учёную степень кандидата этнографии без защиты диссертации. Сам по себе этот факт в то время означал, что результатами всей предшествующей научно-исследовательской деятельности учёный достиг этой степени. Следует подчеркнуть, что степени кандидата и доктора тогда только вводились и имели большую ценность. После смерти своего учителя с 1 июня 1936 г. в течение нескольких месяцев Сергей Васильевич исполнял обязанности заведующего кабинетом Сибири Института. С одной стороны, сказывалась нелюбовь С.В. Иванова к административной деятельности в любом её виде, а с другой – дирекция, понимая это, всегда имела в виду и выдвигала более активных, склонных к общественной работе членов научного коллектива.

В архиве МАЭ сохранился отзыв проф. Е.Г. Кагарова о работе С.В. Иванова, подготовленный им по поручению дирекции Института и подписанный им 19 октября 1936 г.: «С.В. Иванов принадлежит к числу лучших знатоков искусства народов СССР и вообще истории народного изобразительного искусства, которое он изучает как теоретически, ставя ряд методологических вопросов, так и в процессе этнографической полевой работы. Из напечатанных им трудов наиболее выделяется обширное ценное исследование об алеутских охотничьих головных уборах и их орнаментах (1928). Оно распадается на две части: в первой

¹³ Там же. С. 95.

описываются различные типы головных уборов, вторая – содержит в себе анализ их орнаментовки. Автору удалось доказать, что роспись алеутских охотничьих шляп некогда изображала собою рот, глаза и нос каких-то животных, а костяные пластинки на боковых частях шляп соответствовали ушам животных. На основании этих данных автор приходит к совершенно правильному предположению, что эти головные уборы выросли из звериных масок, имевших труд-магическое значение. Анализ рисунков на костяных пластинках росписей даёт основание, по автору, думать, что они восходят к фигуре птичьей головы.

Очерк С.В. Иванова «Искусство в родовом обществе» (в собрание «Первобытное общество», 1932) представляет собою первую в нашей литературе попытку воссоздания основных черт изобразительного общества, родового общества, сделанную с позиций материалистической концепции исторического процесса. Для сборника изданного ВОКС'ом¹⁴ в 1933 г., С.В. Иванов написал статью об изучении народного искусства в СССР за 15 лет на французском и английском языках, обратившую на себя внимание в зарубежной печати... Ряд интересно задуманных работ С.В. Иванова ждёт своей публикации.

В общем можно сказать, что в лице С.В. Иванова мы имеем выдающегося исследователя, прекрасно владеющего большим конкретным материалом, оригинально и по-новому ставящего и решающего научные проблемы и бесспорно принадлежащего к числу лучших в Союзе знатоков народного искусства и его истории».

Согласно отчётам, в середине 30-х годов С.В. Иванов работал над большой темой «Орнаментика народов Сибири», в которой предполагалось провести историко-социологический анализ проблемы, критически рассмотреть прежние методологические установки и т. д. Эта тема считалась диссертационным исследованием учёного, но, как известно, она не была выполнена. Вообще следует признать, что в 30-е годы по сравнению с 20-ми значительно уменьшилась его творческая активность. С.В. Иванов как бы сосредоточился на сборе материалов по интересующим его темам: он много, практически ежегодно выезжал в командировки для работы в разных музеях. По его собственному признанию, он изучал коллекции по сибирскому народному искусству и шаманству в 25 музейных хранилищах страны, сделав несколько тысяч зарисовок, копий, фотографий с экспонатов, которые он в дальнейшем использовал в своих исследованиях. Так, в 1934 г. он был командирован в Музеи городов Тобольска, Томска, Минусинска, Красноярска и Енисейска для изучения материалов по этнографии угро-финских и турецких народов Сибири сроком с 15 июня по 15 сентября. О его работе в Красноярске даже сообщала пресса: «Искусствовед и этнограф Института антропологии и этнографии АН т. Иванов обнаружил в Красноярском музее редкий экземпляр шаманского бурятского бубна. По словам т. Иванова, этот бубен представляет исключительный исторический интерес. До сих пор был известен только один экземпляр такого бубна в Русском Музее в Ленинграде. Бубен сделан с большим мастерством и имеет изящную отделку и обладает удивительной чистотой звука, говорящей о тщательной выделке шкуры. Музей имеет большую коллекцию бубнов разных народностей, но все они уступают найденному как по отделке, так и по чистоте звука»¹⁵. Хотя С.В. Иванов широко интересовался проблемами сибирской этнографии, печатался он в 30-е годы, особенно во второй их половине, очень мало, выступал с докладами весьма редко.

Иногда в эти годы С.В. Иванов работал вне Института. Так, в 1932 г. он выполнил по заказу Зоологического института АН СССР 18 акварельных рисунков разного размера для выставки «Дарвинизм». После возобновления в 1938 г. этнографического образования на филологическом факультете ЛГУ он был приглашён для чтения курса лекций по примитивному искусству. В аудиторию он приносил большой иллюстративный материал, который использовал в лекции, говорил он увлечённо, раскрывая перед студентами весь процесс своих поисков. Студенток привлекал его внешний вид: высокий, худощавый, с утончённым лицом ин-

¹⁴ ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

¹⁵ Редкий шаманский бубен // *Восточно-Сибирская правда*. 3 ноября 1934 г.

теллектуала, всегда в костюме преимущественно серого цвета, в белой рубашке с галстуком...

Войну С.В. Иванов встретил в Ленинграде. Здесь он пережил тяжёлую холодную и голодную блокадную зиму 1941-1942 года. В декабре 1942 г. был эвакуирован в Казань, а затем направлен в столицу Таджикистана г. Сталинобад, где в 1943–1945 гг. работал директором Республиканского Музея Таджикского Филиала АН СССР, а в 1943 г. ещё прочитал курс по музееведению в местном педагогическом институте. Находясь в эвакуации, он занимался также научной работой, изучал традиционное искусство народов Средней Азии.

17 мая 1945 г. С.В. Иванов вернулся в родной Ленинград и приступил к работе в Институте этнографии и МАЭ. 18 июля того же года он был назначен председателем музейной комиссии. С тех пор он неизменно возглавлял какие-то комиссии по вопросам работы МАЭ, длительное время под его руководством работала текстовая комиссия. В 1945-1949 гг. преподавал искусство на кафедре этнографии, которая в те годы находилась на восточном факультете ЛГУ. 17 мая 1947 г. ВАК утвердил его в звании доцента по кафедре этнографии. 5 июня того же года ВАК присвоил ему учёное звание старшего научного сотрудника по специальности этнография. Научная тематика, которой С.В. Иванов продолжал заниматься и в последние годы, не всегда встречала поддержку у директора института. Свидетельством этого является, в частности, письмо известного сибиреведа М.А. Сергеева фольклористу М.К. Азадковскому от 29 сентября 1954 г.: «Получил сюда замечательнейший, выдающийся во всех отношениях труд С.В. Иванова «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. Рисунок и другие виды изображений на плоскости»¹⁶. 800 с лишним страниц, сотни иллюстраций, хорошо издано. Толстов¹⁷ делал всё, чтобы не издать совсем <...>, но Потапов¹⁸ в конце концов победил. Думается, наша сибирская этнография не видела много десятков лет (не сто ли лет) таких работ. А ведь, это только первый том, будет ещё орнамент и скульптура»¹⁹. Действительно, в 1963 г. была опубликована его монография «Орнамент народов Сибири как исторический источник»²⁰. 26 мая 1964 г. эта работа была защищена им в качестве докторской диссертации. Официальные оппоненты доктора исторических наук М.П. Грязнов, П.И. Борисковский и С.А. Токарев единодушно дали высокую оценку исследованию С.В. Иванова, а Учёный совет Института этнографии АН СССР в Москве единогласно высказался за присуждение ему искомой степени. 13 февраля 1965 г. ВАК решил выдать С.В. Иванову диплом доктора исторических наук. Летом 1964 г. в Москве состоялся VII-ой Международный конгресс антропологических и этнографических наук, и С.В. Иванов выступал на нём с докладом «Древний андронидный комплекс в современном орнаменте народов Сибири», вызвавшем огромный интерес у делегатов. Он активно участвовал в создании таких эпохальных коллективных работ как «Народы Сибири» (М., Л., 1956) из серии «Народы мира» и «Историко-этнографический атлас Сибири» (М., Л., 1961). Наконец, были опубликованы им две монографии по скульптуре народов Сибири²¹. В них он рас-

¹⁶ Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX века. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. Отв. ред. Л.П. Потапов // Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XXII. М.; Л., 1954. – 839 с. с ил. Книга сразу получила положительные отзывы. См.: Гаген-Торн Н.И. // Искусство. 1956. № 1. С. 74-75; *Diószegi V. // Ethnographia*. Budapest, 1955. Évf. 66, '1-4, old. 627-630.

¹⁷ Толстов С.П. (1907—1976) – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1953), директор института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (1942–1964).

¹⁸ Потапов Л.П. (1905—2000) – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР (1948–1967). Хитрость Л.П. Потапова заключалась в том, что работу печатали не в Москве, а в Ленинграде и издавали не как отдельную монографию, а в серийном издании.

¹⁹ Литературное наследие Сибири. Т. I. Новосибирск, 1969. С. 369.

²⁰ Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. Отв. ред. Л.П. Потапов. Труды Института этнографии. Нов. сер. Т. 81. М.; Л., 1963. – 500 с. с ил.

²¹ Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970. – 296 с.; *Он же*. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII – 2-я четверть XX в. Л., 1979. – 194 с.

крыл значение скульптуры у народов Сибири. Она сопровождала человека по существу на протяжении всего его жизненного пути от колыбели до погребения. Вплоть до первой четверти XX в. скульптура не рассматривалась у них как вид искусства. Самую значительную часть её образуют изображения, созданные с целью обеспечения удачных результатов в охоте и рыболовстве. Изображения людей почти всегда связывались с представлениями о духах или о душах умерших родственников. Автор на громадном уникальном материале наглядно показал, что скульптура создавалась главным образом с религиозной целью, нередко по указаниям шаманов.

В отечественной науке Сергей Васильевич Иванов – общепризнанный, крупнейший специалист по изобразительному народному творчеству, орнаменту народов СССР, сибиреведению. Особенно большое внимание он уделил выделению и рассмотрению типов сибирского орнамента, в основу которого им были положены орнаментальные мотивы. В результате им установлено десять местных комплектов. Исторические выводы его получили значительную убедительность оттого, что они не ограничивались исследованием лишь типов орнамента, но были учтены и такие достаточно устойчивые признаки его, как технические приёмы и символы симметрии, а также орнаментальные комплекты. В монографии «Орнамент народов Сибири как исторический источник» Сергей Васильевич убедительно показал, что наличие различных типов орнамента в искусстве народов этой историко-этнографической области прежде всего свидетельствует об их сложных исторических судьбах и о его порой весьма далёких связях с народами других регионов. В ряде случаев именно типы орнамента являются хронологическими вехами в развитии искусства того или иного этноса. Он утверждал необходимость комплексного подхода при изучении народного традиционного орнамента, широкого привлечения в сопоставительных целях данных этнографии, антропологии, лингвистики, истории, археологии, фольклористики, религиоведения...

Много, очень много сделано С.В. Ивановым в науке, но также много он так и не отважился не только написать, но даже публично сказать. Он всю свою жизнь глубоко интересовался проблемами традиционного мировоззрения народов Сибири и сопредельных стран. Он любил об этом говорить обычно в домашних условиях или кулуарно в институте с коллегами и учениками. Он был одним из лучших знатоков сибирского шаманизма, но писал на эти темы совсем мало. Однако даже то небольшое, что он всё-таки решился опубликовать в последние годы своей жизни, высоко оценивается специалистами. В одной из своих работ он показал, что многие детали костюма сибирского шамана представляют собой не что иное как видоизменённые воинские доспехи. В современной науке С.В. Иванов почитается как один из лучших знатоков сибирского шаманского костюма²². У него были бесчисленные папки с тщательно подобранными материалами по множеству тем: как он любил говорить, его хватило бы на тысячу лет жизни и работы. Всё это бесценное богатство хранилось у него в чемоданах. Он был обладателем обширнейшей, уникальной библиографии по орнаментоведению, которую он пополнял со студенческих лет. Сергея Васильевича, несомненно, испугали суровые 30-е годы, его травмировала беспардонно грубая критика концепции А.А. Попова в послевоенные годы, косвенно задевшая и его самого, арест в 1952 г. коллеги по отделу Г.М. Василевич... Со многими устоявшимися точками зрения на проблемы традиционного мировоззрения народов Сибири он не был согласен, но и опасался выступать против, а тем более обосновывать свои положения. Когда ему предлагали сделать доклад, он не хотел даже слышать слово «доклад». И если соглашался выступить, то только с сообщением, которое бы называлось «К вопросу о...» Я вспоминаю, когда В.М. Кулемзин защищал диссертацию, а она была посвящена проблемам шаманизма, становлению фигуры шамана – все дискуссионные проблемы!, уже пора начинать заседание Учёного Совета, ко

²² Об этом см.: Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991. С. 191.

мне подошёл Сергей Васильевич, который в автореферате был обозначен как научный руководитель. С неподдельным чувством страха и смущения в голосе спросил: «Как это я попал в научные руководители?» Оказывается, в это же время с теми же словами волновавшийся руководитель подходил и к своему аспиранту... Несколько раз уже в 70-80-е годы он порывался выступить в защиту концепции А.А. Попова, но не решался, а если и начинал, то не договаривал до конца: страх крепко сидел в нём... И это несмотря на то, что в 1954 г. за выслугу лет он был награждён Орденом Трудового Красного знамени и различными медалями по обстоятельствам. Как беспортошный (т. е. беспартийный – так он говорил о себе), он чувствовал себя особенно незащищённым, но вступить в партию никогда даже не помышлял.

Сергей Васильевич держался скромно, старался быть незаметным, но обладал большой духовной мощью. Он гнул, но не ломался. То, что он хотел сказать по многим проблемам, особенно по шаманизму, он не мог в своё время; то, что говорили все, он не хотел повторять вслед за всеми. А своё видение проблем у него было всегда. И если порой он решался выступить публично, то дома он проверял в разговорах верность своих мыслей, делился выношенным. Но как правило, до выступлений дело не доходило. Когда он однажды отважился выступить на философском семинаре, у него тряслись руки, записки с планом речи заметно прыгали... В последние годы у него бывали томичи Н.В. Лукина и В.М. Кулемзин, москвич Ю.Б. Симченко, ленинградцы Н.В. Кочешков, Л.Р. Павлинская, С.Н. Соломатина, Е.В. Ревуненкова, Г.Н. Грачёва, Ю.А. Купина, из Тарту приезжала М.Э. Пихо... Он любил слушать рассказы вернувшихся из экспедиций молодых своих коллег, узнавать новые сведения по волновавшим его вопросам, заинтересованно обсуждать их...

Дома Сергей Васильевич был гостеприимным хозяином. Дома у него был уют, который создавала ему обожавшая его супруга Татьяна Васильевна Саглина, прекрасная художница. Две первые жены, кстати, коллеги по МАЭ Наталия Фёдоровна Прыткова и Эрна Владимировна Зиберт были больше заняты своей жизнью, а ему нужно было преклонение. И грёзы о таинственной любимой женщине, которую никто не знал...

В жизни Сергей Васильевич любил комфорт, всё красивое, обожание, внимание. Любил со вкусом одеться, и часто в разговорах, обсуждая свои прежние фотографии, указывал на модные элементы одежды, обуви. Заботился о своём здоровье. Даже при беседах он, сидя за столом, клал на пол старую скалку и катал её ступнями ног, объясняя это пользой для воздействия на какие-то центры... А летом каждого года он с супругой отдыхал в деревне Малое Сореево Одинцовского района в Подмосковье, где снимал дачный домик. Это место сухое, богатый лес. В хорошую погоду Татьяна Васильевна писала свои этюды, а Сергей Васильевич любил гулять... Сергей Васильевич любил музицировать, по слуху играя на фортепьяно. Любил слушать музыку в Филармонии или хорошие записи в узкой компании друзей, например, дома у археолога В.В. Фёдорова: у обоих была прекрасная коллекция пластинок.

20 июня 1970 г. С.В. Иванов был переведён на пенсию, а с 22 июня зачислен на должность консультанта – доктора наук. Он по мере сил продолжал работать, но с годами его творческая активность уменьшалась. Он болезненно переживал изменение своего статуса, называл себя «уценённым доктором». Умер Сергей Васильевич Иванов на 92-ом году жизни – 5 сентября 1986 г. и похоронен в колумбарии крематория, рядом с Т.В. Саглиной.

Время – неумолимый и объективный судья, оно по справедливости рано или поздно воздаёт должное каждому. Сегодня Сергей Васильевич Иванов – авторитет общепризнанный в науке. Его богатое наследие²³ широко используется, оно в полной мере востребовано. Его имя в сонме имён корифеев отечественной этнографии и искусствознания. Но сказать он бы мог много больше, живи он в другое время. В то время, которое ему виделось в его мечтах.

²³ См.: Список основных трудов доктора исторических наук С.В. Иванова // *Советская этнография*. 1975. № 4. С. 188–189; *Там же*. 1985. № 2. С. 141–143.